

Нора Робертс.
Мега-звезда современной прозы

Нора Робертс

— Ложь во спасение —

Москва
2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P58

Nora Roberts
THE LIAR

Copyright © Nora Roberts 2015
This edition published by arrangement with Writers House LLC
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского
Светланы Володиной

Художественное оформление
Екатерины Тинмей

Робертс, Нора.

P58 Ложь во спасение / Нора Робертс ; [перевод с английского С. Володиной]. — Москва : Эксмо, 2020. — 576 с.

ISBN 978-5-04-109231-3

Решившись на побег из родительского дома, чтобы выйти замуж за бизнесмена, юная Шелби не могла предположить, что спустя четыре года вернется в родной городок без мужа и с многомиллионными долгами. Начать жизнь заново — все, о чем она теперь мечтает. Но темное прошлое супруга постоянно ее преследует. Сразу после ее возвращения в городок происходит череда жестоких преступлений, в которых оказывается замешана Шелби...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-109231-3

© Володина С., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть I ФАЛЬШЬ

Истинную боль причиняет не та ложь, что
приходит в голову, а та, что остается в ней.

Фрэнсис Бэкон

1

В большом доме — а мысленно она, наверное, всегда так и будет его называть — Шелби прошла в кабинет мужа и опустилась в массивное кожаное кресло за солидным письменным столом. Кресло густо-кофейного цвета. Не коричневого, нет. Цвета эспрессо. В этом отношении Ричард бывал до крайности щепетилен. Сам стол тоже непростой. Презентабельный, сверкающий полировкой, изготовленный из африканского дерева зебрано, причем по спецзаказу в Италии.

Помнится, Шелби тогда пошутила: дескать, зебры, оказывается, водятся и в Италии. И каким же взглядом Ричард встретил эту невинную шутку! Истолковать этот взгляд можно было примерно так: роскошный особняк, шикарные шмотки, увесистый бриллиант на левом безымянном пальце — а ты все та же простушка Шелби-Энн Помрой, едва вырвавшаяся из глухого провинциального городка в Теннесси, где родилась и выросла. Из грязи да в князи. Классический случай.

А ведь было время, когда муж посмеялся бы над этой шуткой, сейчас подумалось ей. Он бы догадался, что она шутит, и рассмеялся, как если бы она была для него свет

в окошке. Однако ее свет для него давно потускнел, и случилось это, бог свидетель, до обидного скоро.

Они познакомились звездной летней ночью пять лет назад. Этот мужчина мгновенно покорила ее сердце, вырвал из привычной среды и открыл совершенно иной мир, такой, какого она даже и представить не могла.

Он обращался с ней как с принцессой, показывал места, о которых она лишь читала в книгах или видела в кино. И было время, он ее любил, разве нет? Об этом важно не забывать. Она была любима и желанна и имела все, о чем только может мечтать женщина. Ричард ей ни в чем не отказывал.

Обеспечивал. Это слово он употреблял чаще всего. Он ее обеспечивал.

Да, он рассердился, когда узнал о ее беременности. Его взгляд в тот момент ее даже напугал. На какой-то миг. Но он ведь взял ее в жены, так? Причем задолго до беременности. Умчал в Лас-Вегас — словно у них случился роман всей жизни.

Тогда они были счастливы. Об этом тоже надо помнить. Надо изо всех сил держаться за воспоминания о лучших временах.

Женщине, овдовевшей в двадцать четыре года, без воспоминаний не обойтись.

Женщине, узнавшей, что вся ее жизнь от начала до конца была пронизана ложью, оказавшейся не просто на мели, а в астрономических долгах, таких, что и вообразить невозможно, требуется что-то, что напоминало бы о лучших временах.

То, что она в долгах как в шелках, Шелби объяснили адвокаты и финансисты. Правда, выражения типа «привлечение заемных средств», «хедж-фонды» и «изъятие имущества банком-кредитором» были для нее китайской грамотой. Большой дом, повергший ее в благоговейный трепет, когда она впервые переступила его порог, как те-

перь выяснилось, ей вовсе не принадлежит. Или принадлежит лишь крошечной толикой, а большей частью является собственностью залогодателя. Машины, как ей объяснили, не покупались, а бралась в лизинг, и поскольку платежи просрочены, то и на них у нее теперь нет никаких прав.

Мебель? Куплена в кредит, платежи просрочены.

И еще налоги. Об этом Шелби не могла даже думать. Одна мысль о налогах повергала ее в ужас.

Прошло два месяца и восемь дней после смерти Ричарда, и все это время она, кажется, только и делала, что вникала в такие вещи, которыми он всегда призывал ее не забивать себе голову — дескать, это не ее забота. И не ее дело, как очень явственно говорил все тот же высокомерный взгляд.

А теперь это все стало ее заботой. И ее делом, поскольку она оказалась должна кредиторам, ипотечной компании и правительству Соединенных Штатов такие суммы, при мысли о которых на нее находил столбняк.

А впадать в ступор нельзя. У нее ребенок. Дочь. Нет ничего важнее Кэлли. Всего три годика, подумала Шелби. От мысли о дочери ей захотелось положить голову на этот шикарный стол и зареветь в голос.

— Нельзя реветь. Теперь у нее есть только ты, и все, что потребуется, ты сделаешь! — вслух приказала себе Шелби.

Она открыла коробку — их было несколько. На этой была этикетка «Личные документы». Надо полагать, юристы и налоговики все забрали, прошерстили, сняли со всего копии.

Теперь прошерстит все она. Может, еще что-то удастся спасти. Ради Кэлли.

Надо любым способом найти денег, чтобы погасить все долги и еще чтобы хватило на жизнь себе и ребенку. Само собой, она пойдет работать, но этого явно будет недостаточно.

На самом деле к деньгам Шелби всегда была равнодушна. Об этом она размышляла, принимаясь просматривать счета за костюмы, обувь, рестораны и отели. И за частные самолеты. Свое безразличие к деньгам она осознала на исходе первого, бурного года их брака, после рождения Кэлли.

С появлением Кэлли все ее желания свелись к одному — иметь свой дом.

Шелби прервалась и оглядела кабинет Ричарда. Кричащие краски его любимых картин, типичных образчиков современного искусства. Ослепительно-белые стены — он считал, что именно на таком фоне выигрышнее смотрятся эти самые картины. Темные тона дерева и кожи.

Вряд ли этот особняк может сойти за родной дом. И никогда он ее домом не был. Как никогда и не будет, подумала она, даже если прожить здесь лет восемьдесят, а не те жалкие три месяца, что прошли с момента их переезда.

Ричард купил особняк не советуясь и обставил по своему вкусу, не поинтересовавшись ее предпочтениями. Сюрприз, объявил он, распахивая перед ней двери этого огромного дома в Вилланове, в котором повсюду звучало эхо. Зато, как он объяснил, это лучший пригород Филадельфии.

Конечно, она притворялась, что дом ей мил. Она испытывала благодарность за то, что наконец смогла обосноваться на постоянном месте, хоть ее и пугали эти напряженные цвета и высоченные потолки. Главное — у Кэлли теперь будет дом, она будет ходить в хорошую школу, гулять в безопасном районе.

У девочки появятся друзья. И у нее тоже — во всяком случае, Шелби на это надеялась.

Но жизнь распорядилась по-своему, и на все это у них уже не осталось времени.

Ни времени. Ни страховки на десять миллионов долларов тоже. О ней, как выяснилось, Ричард тоже врал. И врал про специальный фонд, который якобы завел для того, чтобы откладывать деньги на образование дочери.

Но зачем?

Этот вопрос Шелби от себя гнала. Все равно ответа ей никогда не узнать, так зачем спрашивать?

Можно собрать все его костюмы, туфли, галстуки и спортивное снаряжение, клюшки для гольфа, лыжи. Отнести в комиссионный магазин — хоть сколько-то удастся выручить.

Попробовать продать то, что не изымут за долги. Хоть через Интернет, если уж на то пошло. Выставить на продажу или дать объявление. В конце концов — снести в ломбард. Неважно — как, главное — выручить хоть какие-то деньги.

И у нее в шкафу масса вещей, которые можно продать. И конечно, украшений.

Шелби посмотрела на свой бриллиант — кольцо, которое Ричард надел ей на палец, когда они прилетели в Вегас. Обручальное кольцо она оставит, а это, бриллиантовое, продаст. У нее много такого, что можно продать.

Ради Кэлли.

Она одну за другой просматривала папки. Компьютеры изъяты, и пока ей их не вернули. Но бумага — это что-то осязаемое.

Шелби открыла папку с документами, касающимися всего, что имеет отношение к здоровью и медицине.

Муж неплохо о себе заботился, подумала она. И тут же напонила себе, что надо отказаться от членства в загородном клубе и фитнес-центре. У нее это как-то вылетело из головы. Ричард был мужчина завидного здоровья, подерживал форму и регулярно показывался врачам.

Надо будет повыбрасывать все эти витамины и пищевые добавки, которые он систематически принимал, решила Шелби и перевернула очередную бумажку.

Незачем хранить его пилюли, да и эти записи хранить тоже незачем. Этот крепкий мужчина утонул в Атлантике, всего в нескольких милях от побережья Южной Каролины, в возрасте тридцати трех лет.

Все это надо просто запустить в шредер. Ричард любил таким образом уничтожать документы и даже установил себе шредер прямо тут, в домашнем кабинете. Зачем кредиторам видеть результаты его последнего анализа крови или отметку о прививке гриппа двухлетней давности? Так же как и записи из травмпункта, куда он обращался, когда, играя в баскетбол, вывихнул палец.

Господи, это же было три года назад! Этот человек уничтожил столько бумаг, что набралось бы на горный хребет, и так бережно хранил бумажки о своем здоровье!

Взгляд Шелби упал на очередной листок, на сей раз — четырехлетней давности, и она вздохнула. Она хотела было не глядя отложить его в сторону, но прочитала фамилию врача и нахмурилась. Этот доктор ей незнаком. В то время они, кажется, жили в Хьюстоне, в многоквартирном доме, да и вообще — разве упомнишь всех врачей, когда они без конца переезжали с места на место, уж раз в год-то точно, а то и чаще. Но этот доктор был из Нью-Йорка.

— Это какая-то ошибка, — проворчала она. — Зачем было Ричарду обращаться к врачу в Нью-Йорке?

Шелби похолодела. С головы до пят. Мысли, сердце, живот — все будто заледенело. Дрожащими пальцами она приподняла листок, поднесла ближе к глазам — так, словно от этого мог поменяться смысл слов.

Но слова оставались те же.

12 июля 2011 года Ричард-Эндрю Фоксворт перенес плановое хирургическое вмешательство в медицинском центре «Клиника Горы Синай» в Нью-Йорке. Операцию проводил доктор Дипок Харьяна. Вазэктомия.

Он сделал себе вазэктомию и ничего ей не сказал! Кэлли едва исполнилось два месяца, а он уже позаботился о том, чтобы больше у них не было детей. А ведь когда она заговаривала о втором, он делал вид, что хочет больше детей. После года безуспешных попыток она прошла обследование, он тоже согласился провериться.

В ее ушах зазвучал его голос:

«Шелби, тебе надо расслабиться. Успокойся ты, ради бога. Будешь так переживать и напрягаться — никогда не получится».

«Да, никогда не получится. Оно и не могло получиться. Потому что ты об этом позаботился. Ты даже об этом мне врал! Врал, видя, как у меня из месяца в месяц разрывается сердце. Как ты мог? Как ты мог?»

Она отодвинулась от стола и нажала пальцами на глаза. Это было в июле, в середине июля. Кэлли всего восемь недель от роду. Он сказал, что летит в командировку. Да, точно, теперь она вспомнила. Летит в командировку в Нью-Йорк. Хоть про город врать не стал.

Она не захотела тащить туда ребенка — и он знал, что она не захочет. И все устроил. Сделал ей очередной сюрприз — отправил ее вместе с малышкой на частном самолете домой, в Теннесси.

Чтобы она могла немного побыть с родными, сказал он. Показать ребенка, дать своей маме и бабушке немного побаловать себя и Кэлли. На недельку-другую.

До чего же она тогда радовалась! И так была ему благодарна! А он, оказывается, просто убрал ее с глаз долой, чтобы не мешала обезопасить себя от повторного отцовства.

Шелби вернулась к столу и взяла в руки фотографию, которую специально для него вставила в рамку. Фотографию вдвоем с дочкой, сделанную ее братом Клэем во время их пребывания дома. С ее стороны это был благодарственный жест, ответный подарок, которым Ричард даже как будто дорожил и с тех пор всегда держал у себя на столе — хоть столы эти и менялись вместе с домами.

— Очередная ложь. Всего лишь очередная ложь. Ты никогда нас не любил! Если бы ты нас любил, ты не мог бы громоздить одну ложь на другую.

От осознания предательства Шелби пришла в такую ярость, что чуть не расколотила фотографию вместе с

рамкой о столешницу. Остановило ее только детское личико. Она поставила фото на место, бережно и аккуратно, как какую-нибудь бесценную и хрупкую фарфоровую статуэтку.

Потом опустилась на пол — не могла она больше сидеть за этим столом и, раскачиваясь из стороны в сторону, завывала. Не потому, что мужчины, которого она любила, не стало, а потому, что его никогда не существовало.

На сон времени не было. Шелби не любила кофе, но сейчас заварила себе большую кружку двойного эспрессо в принадлежавшей мужу итальянской кофемашине.

От слез болела голова, от кофеина нервы были напряжены, и в таком состоянии она изучила все до единой бумаги и разложила их по стопкам.

Сейчас, когда она могла оценить ресторанные счета свежим взглядом, выяснилось, что муж ей не просто лгал, но и ходил налево.

Счета из отелей за обслуживание в номере говорили о том, что заказы делались не на одного человека. Нашелся счет из той же поездки за серебряную подвеску от Тиффани — она такой от него не получала. Еще пять тысяч за покупки в «Ля Перла» — от нее Ричард тоже всегда требовал, чтобы она носила белье этой фирмы, да только этот счет был выписан в другой его мнимой командировке. Счет за уик-энд в отеле в Вермонте, когда он сказал ей, что собирается на какую-то важную сделку в Чикаго. Все выходило одно к одному. Складывалось в цельную картину.

Но зачем он все это хранил? Доказательства собственного вранья и измен? Да потому, поняла она, что она ему свято верила.

И не просто верила, подумалось ей, а еще и позволяла вытворять то, что он вытворял. Она подозревала, что у Ричарда кто-то есть на стороне, и он, скорее всего, знал, что она догадывается. Он не стал выбрасывать этот ком-

промат, потому что не сомневался: в силу своей слепой покорности она не будет совать нос в его личные бумаги.

И ведь так все и было, она доверяла ему во всем.

Он вел двойную — или тройную — жизнь, но ей туда вход был заказан. Она не знала, где ключи от этой его жизни, и ни за что не стала бы спрашивать — а он это понимал.

Интересно, подумала Шелби, сколько же у него было женщин на стороне? Да и важно ли это? Даже одной уже слишком много. И сколько бы их ни было, все они наверняка были более утонченными, более опытными и искусственными, нежели та мгновенно ослепленная им девятнадцатилетняя девчонка из небольшого городка в Теннесси, которая с благоговением глядела ему в рот.

Почему Ричард на ней женился?

Может, он ее любил? Хотя бы вначале? Испытывал влечение? Но для счастья одной Шелби ему оказалось мало.

Да и важно ли это теперь, на самом-то деле? Ведь его все равно больше нет.

Нет, подумала Шелби, это важно. Еще как важно!

Он сделал из нее дуру, оставил оплеванной. Бросил с таким бременем долгов, что ей хватит расхлебывать на много лет вперед. А главное — под угрозой оказалось будущее их дочери!

Нет, это действительно важно.

Следующий час Шелби провела, методично перерывая его кабинет. Сейф уже был открыт. Шифра к замку она не знала, просто дала адвокатам разрешение на его вскрытие, и теперь он стоял незапертым.

Они забрали большую часть юридических бумаг, но пять тысяч наличными еще лежали на месте. Шелби взяла деньги и отложила в сторону. Так. Свидетельство о рождении Кэлли, паспорта всех троих.

Она открыла паспорт мужа и взгляделась в фотографию.

Красавчик! Холеный, гладкий — настоящая кинозвезда. Густые каштановые волосы, карие глаза с рыжеватыми

искорками. И ямочки на щеках. Как она мечтала, чтобы эти ямочки унаследовала Кэлли!

Не находя себе места от обрушившихся на нее невзгод, возбужденная от кофеина, Шелби двинулась по дому, пересекла большой двухуровневый вестибюль и бесшумными шагами — она была в толстых шерстяных носках — поднялась по витой лестнице.

Сперва она проверила, спит ли Кэлли. Вошла в прелестную детскую, нагнулась поцеловать дочь в щеку и подоткнула одеяло — девочка спала в своей излюбленной позе на четвереньках.

Оставив дверь открытой, она прошла по коридору в хозяйскую спальню.

Как же она ненавидит эту комнату, вдруг поняла Шелби. Ненавидит эти серые стены, это изголовье из черной кожи, резкие, угловатые линии этой черной мебели!

А теперь, зная, что в этой постели муж занимался с ней любовью после утех с другими женщинами, она возненавидела свою спальню еще сильнее.

У нее вдруг свело живот. А вдруг он ее чем-нибудь заразил? Надо будет обязательно сходить к врачу. Сейчас не думай об этом, сказала она себе. Завтра позвонишь и запишешься на прием, а сейчас думать об этом не надо.

Шелби прошла в гардеробную мужа, которая по размеру напоминала ее спальню в родительском доме в Рандеву-Ридже.

Некоторые костюмы остались почти неношенными, подумала она. Армани, Версаче, Кучинелли: костюмы Ричард предпочитал от итальянских модельеров. И туфли тоже, подумала она, снимая с обувной полки пару черных мокасин от Феррагамо и переворачивая, чтобы осмотреть подошвы.

Совсем не сношены.

Она прошла дальше и достала из шкафа портпледы и чехлы.

Утром она загрузит в машину столько вещей, сколько поместится, и отвезет в комиссионку.

— Надо было это сразу сделать, — проворчала она.

Но сперва были шок и горе, затем адвокаты, бухгалтеры, представители властей.

Шелби проверила карманы серого костюма в узкую полоску — не осталось ли чего — и убрала в портплед. По пять на чехол, прикинула она. Итого четыре — для костюмов, еще пять или шесть — для курток и пальто. Затем рубашки и брюки.

Эта работа, не требующая мыслительных усилий, ее успокоила; вид постепенно расчищающегося пространства немного поднял настроение.

Дойдя до темно-бронзовой кожаной куртки, она чуть задержалась. Эта куртка — крой «пилот», богатый цвет — была одной из его любимых, в ней он смотрелся особенно эффектно. Она знала, что это был один из немногих ее подарков, который действительно пришелся ему по вкусу.

Шелби провела рукой по рукаву куртки, мягкому и нежному, как сливочное масло, и чуть не поддалась сентиментальному порыву оставить куртку хотя бы на время.

Потом она вспомнила о справке о нью-йоркской операции и стала решительно проверять карманы.

Конечно, пусто: Ричард каждый вечер скрупулезно вынимал все из карманов, выкладывая — а иногда роняя — мелочь на стеклянный поднос на комод. Телефон ставил на подзарядку, ключи клал на стойку рядом с входной дверью в прихожей либо вешал на крючок в шкафу своего кабинета. Он никогда не оставлял ничего в карманах, чтобы их не оттягивать, не портить подкладку и ничего не забыть.

Шелби прощупала карманы — эту привычку она переняла от мамы, которая делала так перед стиркой, — и на что-то наткнулась. Опять проверила, но ничего не обнаружила. Еще раз сунула в карман пальцы и вывернула его наизнанку.